

О.А. Донских

Ныне за новую речь примусь и путь укажу я...¹
(Философия как литература: уровни рефлексии)

Так не установим ли мы, что все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются?

Сократ в «Государстве» Платона

Мудрецы назывались также софистами, и не только мудрецы, но и поэты.

Диоген Лаэртский

В начале было Слово. Слово было, но была ли литература? И если она была, то появилась ли она раньше философии или нет? Это те вопросы, которые встают, когда пытаешься определить начало философствования, если принимаешь во внимание тот простой факт, что философия изначально облекалась в какие-то литературные формы. Дело в том, что она никак не могла появиться раньше, чем появляется письменность. По крайней мере, нет никаких на это указаний. Уже мудрецы жили в эпоху письменную, а Фалес – один из них. Поэтому вопрос, который обсуждается в настоящей статье, можно сформулировать таким образом: существует ли значимая связь между возникающей в Древней Греции философией и теми литературными формами, в которые эта философия могла облекаться? Этот вопрос, в свою очередь, глубинно связан с проблемами появления философии и появления литературы, что существенно затрудняет ответ на него, поскольку нет четких критериев, позволяющих точно определить соответствующие периоды времени. Тем не менее, представляется, что есть некоторые подходы, которые позволяют надеяться на разумные ответы. Данная статья не претендует на то, чтобы эти ответы дать, но лишь на то, чтобы более четко сформулировать вопросы.

Итак, в Греции в 9-7 вв. формируются города-государства, которые приходят на смену монархиям, так ярко описанным Гомером. В процессе формирования они вынуждены устанавливать новое законодательство, поскольку обычное право не соответствует складывающимся формам правления. Создается и получает распространение фонетическое письмо. Оно постепенно все больше входит в употребление. Но только с распространением папируса с 7 века до н.э. появляется возможность фиксировать более или менее длинные произведения. Папирус начинают употреблять ионийцы, и он вытесняет кожу, на которой они писали ранее.

По мере все более широкого использования папируса меняется характер того, что записывается. Если с древних времен известны эпиграфические памятники (например, списки победителей игр, списки имен жрецов, законы, договоры), то с 6 века до н.э. появляются первые сочинения, написанные прозой. Их содержание относится, в частности, к историям и условиям жизни разных народов. Как пишет Дионисий Галикарнасский, «Одни писали эллинские истории, другие варварские [иностранские], причем и эти истории они не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель – обнародовать

¹ Из элегии Ксенофана.

во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей...»². Истории эти включают в себя мифы, необычайные события, а также теокосмогонии. Дионисий упоминает немало имен историков-логографов. Это естественно, поскольку в процессе государственного строительства осуществляется рефлексия по поводу традиции. «Начало литературы-письменности есть alter ego (второе я) начала государства. Они видят друг в друге себя и необходимы друг для друга. Создание Книги есть дело жизни государства...»³ В это же время начинают писаться и сочинения о природе. Так, о Ферекиде, которому греки приписывали изобретение прозы Диоген Лаэртский говорит, будто «... он первый писал о природе и богах»⁴.

Рефлексия над традицией приводит к важнейшим результатам – в процессе письменной фиксации эпос теряет свое значение. Г.Д. Гачев пишет: «... Акт начала записи эпоса и превращение его в Книгу был как началом его высшей жизни, так и началом его смерти. На слове уже явилась санкция – и оно стало как бы ее продуктом, вторичным по отношению к власти и закону. Создалась почва для разъедающей работы рефлексии, которую и осуществляли античные философы VII – V вв. ... С развитием государства его (эпос) в роли государственной идеологии заменили трагедией, а затем и правом (в Риме)»⁵. Думается, что в данном положении заключаются некоторые показательные неточности, анализ которых позволит выйти на другой уровень понимания. Во-первых, речь не может идти только об эпосе. Рефлексия осуществляется над более широким кругом словесности, включая уже упомянутые истории, мифы, включенные в различные обряды, и др. И это никогда не просто изложение, это еще и подбор примеров для подражания (и здесь историк не так далек от поэта-учителя вроде Феогида Мегарского)⁶. Во-вторых, рефлексия сама готовит себе почву, без нее невозможна и фиксация эпоса как таковая. «... В источниках встречаются указания на связь распространения гомеровского эпоса с именами хорошо известных исторических деятелей. Таковы спартанский законодатель Ликург, тиран Сициона Клисфен, Солон Афинский ... Но главное свидетельство, которое привлекло внимание новых исследователей и послужило одним из оснований появления особой теории о появлении поэм Гомера, – это свидетельство об ученой комиссии, работавшей над Гомером по назначению Писистрата»⁷. Известна эпиграмма, в которой о Писистрате говорится, что он «Гомера, прежде петого врозь, вновь воедино связал»⁸. Иначе говоря, именно с этого времени поэма Гомера осознается как единое целое, а это результат рефлексии. Таким образом, рефлексия – это никак не прерогатива философов. Поэты, законодатели, историки, пророки играют здесь не меньшую роль. Гораздо позже результаты их творчества разводятся по разным жанрам и направлениям.

В это время мифология начинает упорядочиваться (процесс, который указывает на ее закат, по крайней мере в том виде, как она существовала в бесписьменную эпоху). Это происходит в процессе рефлексии над дописьменной словесностью. Словесность, сопровождавшая обряд, не подразумевала никаких систем и жанров. А рефлексия

² См. История греческой литературы. Т. I. Эпос, лирика, драма классического периода. М. – Л., 1946. С. 13.

³ Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). М., 1968. С. 88.

⁴ Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е, испр. М., 1986. С. 90. Словарь Суда прямо указывает на Ферекида как на родоначальника прозы. См. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 85.

⁵ Гачев, с. 90.

⁶ The Cambridge history of classical literature. V.I. Part 3. Philosophy, history and Oratory. Cambridge University Press, 1989. P. 45.

⁷ История греческой литературы. Т. I. Эпос, лирика, драма классического периода. М.-Л., 1946. С. 109.

⁸ Там же. С. 110.

начинает разводить отдельные элементы и формировать литературные жанры. Не случайно античная трагедия появляется одновременно с фиксацией эпоса в эпоху Писистрата. «В среде, где личность уходила без остатка в безразличие массы, ликования победы выразились бы народной эпической песней, в которой общее настроение, общая оценка пережитого скажется прославлением типического героя; в личности обособившейся яркий исторический момент, самая громоздкость обступивших ее событий вызовет потребность анализа, счетов с собою и руководящими началами жизни, в виду требования действия, обострит этот внутренний конфликт, который явится и условием и продуктом индивидуализации. Драматическая форма, как внешнее действие, как сцена, уже существовала, теперь она объявится драмой, отвечая спросу времени; условиями ее художественного обособления, ее популярности представляются мне: развитие личности и громкие события народно-исторического характера, открывающего народу новые пути и далекие перспективы»⁹.

Но это пока никак не разводит поэтов и философов. Ни по содержанию, ни по форме выражения. Со стороны содержания еще для Аристотеля (а это через два века после Фалеса) не существует четких критериев, согласно которым можно отличить поэта от философа. В «Метафизике», говоря о тех, кто в качестве первоначала называли то, от чего все получает движение, он называет Гесиода и Парменида: «Можно предположить, что Гесиод первый стал искать нечто в этом роде или еще кто считал любовь или вожделение началом, например Парменид: ведь и он, описывая возникновение Вселенной, замечает: «Всех богов पहले Эрот был ею замышлен»¹⁰. А ведь Аристотель живет через два века после времени, к которому обычно относят начало философствования. Если брать более ранние свидетельства, то мы обнаруживаем, что Пифагор и Эмпедокл неоднократно упоминаются вместе с пророками Эпименидом и Аристеом¹¹. Иосиф Флавий в качестве первых эллинских философов называет Ферекида, Пифагора и Фалеса¹². При этом Ферекид в качестве начал называет Заса, Хроноса и Хтонию, почему Аристотель, хотя и с некоторой оговоркой, относит его к поэтам-богословам, и он попадает в один ряд с Гесиодом и Гомером¹³.

Со стороны формы ситуация не менее неопределенная. Так милетцы в первую очередь использовали в качестве формы выражения своих взглядов прозу. Диоген Лаэртский пишет об Анаксимандре: «Суждения свои он изложил по пунктам в сочинении, которое было еще в руках Аполлодора Афинского»¹⁴. При этом, по свидетельству Симпликия, Анаксимандр выразил свои мысли «довольно поэтическими словами»¹⁵. И действительно, известный фрагмент Анаксимандра «А из каких [начал] вещам рождение...»¹⁶ об этом ярко свидетельствует – это несколько ритмизованная возвышенная проза. Про принадлежавшего к той же школе Анаксимена Диоген Лаэртский писал: «Языком он пользовался ионийским, простым и безыскусственным»¹⁷. В отличие от своих более южных соседей милетцев «темный» Гераклит писал, как оракул, афористически и поместил свою книгу «обо Всем, о государстве и о божестве» на хранение в святилище

⁹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., Высшая школа, 1989. С. 52.

¹⁰ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1975. С. 73.

¹¹ См. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 94.

¹² Там же. С. 108.

¹³ См. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1975. С. 361.

¹⁴ Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е, испр. М., 1986. С. 93.

¹⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 127.

¹⁶ Фрагменты... С. 127.

¹⁷ Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е, испр. М., 1986. С. 94.

Артемиды Эфесской, «позабывшись ... написать ее как можно темнее, чтобы доступ к ней имели лишь способные и чтобы обнаружение не сделало ее открытой для прозрения»¹⁸ Основатели элейской школы Ксенофан и Парменид писали поэмы. При этом у Ксенофана содержание преимущественно традиционно поэтическое, тогда как у Парменида более рациональное. Обычно литературный стиль Парменида называют дидактическим эпосом (как «Труды и дни» Гесиода). И это осознается как им самим, так и другими как продолжение поэтической традиции – «И если он говорит, что единое сущее «подобно цельной массе хорошо закругленного шара»,... то не удивляйся: из-за поэтической формы он отдает дань и мифотворческому вымыслу. Чем отличается этот способ выражения от выражения Орфея ... «серебристое яйцо», ...»¹⁹

Со своей стороны и поэты не обходят философские вопросы. эпические поэты, как и трагики, в своих текстах представляли содержание рефлексии, которое было весьма близким к собственно философствующим авторам, «любомудрам». Уже не раз упомянутые Гесиод и Ферекид относятся к поэтам-богословам. Классифицируя и переосмысливая мифы, они говорят об устройстве Космоса, о порядке, о времени, о мере, и т.д. Известны космогонии, приписываемые Орфею. В частности, орфики приходят к идее единого начала, которым они называют Зевса:

*Зевс стал первым, и Зевс – последним, яркоперунный.
Зевс – глава, Зевс – середина, все происходит от Зевса...*²⁰

В этом отношении они вполне сравнимы с философами, также двигавшимися к монобожию. Свои теокосмогонии были у Эпименида, Алкмана и др.

Трагические поэты обсуждают важнейшие этические вопросы, устройство мира, их персонажи высказывают и мысли о началах.

Хор Софокла в Царе Эдипе:

*Судьба моя! Дай мне вечно
Слов и дел святую чистоту блюсти
И чтить Законы, что в небесной выси
Из лона Правды самой взошли.
Их край родной - ясный свет эфира;
Олимп им отец; родил
Не смертного разум их;
Не он в забвения мгле их схоронит властен!
Велик в них зиждущий бог; они нетленны*²¹.

Так, в «Вакханках» Еврипида Тиресий, обращаясь к Пенфею, учит:

*Послушай, сын мой: два начала в мире
Суть главные. Одно – Деметра-матерь
(Она ж Земля; как хочешь называй).
Она сухой лишь пищею нас кормит;
Ее дары дополнил сын Семелы:
Он влажную нам пищу избрел, -
Тот винный сок, усладу всех скорбей.*²²

Примеры можно легко умножить.

То, что поэты осуществляют своеобразную рефлексия, которую нелегко отличить от философской можно увидеть и в том, что С.С. Аверинцев называет риторическим

¹⁸ Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е, испр. М., 1986. С. 334.

¹⁹ Симпликий. См. Фрагменты... С. 277.

²⁰ Фрагменты... С. 54.

²¹ Софокл. Драмы. Пер. Ф.Ф. Зелинского. М., 1990. С. 34.

²² Еврипид. Медея, Ипполит, Вакханки. Пер. И.Ф. Анненского. СПб., 1999. С. 156.

началом, также характерный для греческой художественно-поэтической мысли. Оно выражается, в частности, в фигурах экфразиса и синкрисиса, за которыми встает стремление к исчерпывающим классификациям²³. Экфразис представляет собой выражение рефлексии по отношению к метафорически насыщенному поэтическому тексту. Ю.В. Шатин пишет: «Экфразис становится метаязыковой рефлексией по поводу метафорического содержания картины, он принципиально не изобразителен, а референциален, поскольку сокращает дистанцию между различными семиотическими сущностями и включает в изображенный мир картины эксплицированную точку зрения созерцающего субъекта»²⁴. Что касается синкрисиса (понимания через сравнение), то он дополняется стремлением сделать любую ситуацию частью более общей картины. В частности, в случаях, когда мы меньше всего этого ждем. Так, например, Медея у Еврипида говорит о своем несчастье как об общем принципе –

*Да, между тех, кто дышит и кто мыслит,
Нас, женщин, нет несчастней. ...*²⁵

Или

*...Если смыслом
Кто одарен, софистов из детей
Готовить он не будет. Он не даст
Их укорять согражданам за праздность...*²⁶

Не говоря уже об обобщающих словах хора, вроде:

*Реки священные вспять потекли,
Правда осталась, но та ли?
Гордые выси коснулись земли,
Имя богов попирая в пыли,
Мужси коварными стали...*²⁷

Значение риторики в данном контексте подчеркивает С. Голдхилл: «Риторика ... должна пониматься в широком смысле как самосознающее признание роли языка в осуществлении демократии»²⁸.

Все сказанное указывает на то, что только на этапе культурной рефлексии следующего порядка начинается разделение философии и поэзии (шире – литературы), и этот этап приходится на период формирования классических философских систем Платоном и Аристотелем. Платон говорит о «разладе между философией и поэзией»²⁹. Аристотель, создавая поэтику, осуществляет рефлексии над литературой как таковой. Но отнесли они различия между литературой и философией к более раннему периоду. Так, Платон в «Законах» говорит, что когда философы сформулировали свои идеи о том, на чем зиждется небесный порядок, поэты «стали сравнивать философов с собаками»

²³ Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158-190.

²⁴ Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфразис и диегезис // Критика и семиотика. - Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 218.

²⁵ Еврипид. Медея, ... С. 18.

²⁶ Там же. С. 20.

²⁷ Там же. С. 25-26.

²⁸ Simon Goldhill The invention of prose. // Greece & Rome. New surveys in the classics. N 32. Oxford University Press, 2002. P. 79.

²⁹ Платон. Государство. Кн. 10. // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 438.

пустолайками и твердить иные бессмыслицы»³⁰. (Сам Платон с избытком отомстил поэтам, обозвав их полузнайками и предложив удалить большинство из них из своего идеального государства).

Итак, если считать, что философское содержание сочинений было чем-то новым (а за это говорит последующее развитие собственно философии), то оно, по крайней мере в начале пути, не выразило себя в каких-то особых литературных формах. Написанные гекзаметром силлы Ксенофана никак не составляют исключения. Более того, сами философы существенно зависели от избранной литературной формы. Причем зависели в разных аспектах. Скажем, философствующие милетские прозаики заведомо обращались к очень узкой публике. Они фактически составляли речи для небольшого числа своих учеников. (На это есть следующее косвенное указание. Фемистий в одной из своих речей говорит: «[Анаксимандр] первым из известных нам эллинов осмелился написать и обнародовать речь о природе»³¹. Здесь обращает на себя внимание тот момент, что говорится о «речи» о природе. Именно речь произносится прозой³². И здесь мы имеем своеобразное пересечение риторики и мифологии.) Алкмеон Кротонский прямо перечисляет тех, кому он адресует свои речи³³. Замечательный мизантроп Гераклит просто завещал свои речения (в стиле жрецов-прорицателей) храму Артемиды Эфесской, чтобы они не исчезли. Парменид, как Гесиод, в начале своей поэмы призывает богиню справедливости. При этом он представляет текст не как свой собственный, но как боговдохновенный. (Что принципиально, Парменид, продолжая эпическую традицию, как и ранее Ксенофан, обращается к гораздо более широкой публике, чем милетцы).

Несмотря на то, что форма сочинений, относимых нами к философским, была различной в литературном отношении, авторы их осознавали как отличие их от чисто литературных (поэтических), так и свое внутреннее родство с другими философами. Например, Ксенофан, Парменид и Гераклит жестко отличают себя от традиционной литературы по критерию «истинность-неистинность». Фактически они неявным образом вводят традиционно принимаемый для литературы критерий вымысла. Такой же критерий применяют позже Платон. Тем самым создается простор для аргументации, которая становится все более изощренной и необходимой. (Правда, у того же Платона можно встретить места, где утверждается равенство между аргументами рациональными и аргументами «от мифа», но это никак не исключает самого факта требования аргументации). Но наиболее важным отличием философских работ, непосредственно связанных с устремленностью к истине, становится их принципиальная незаконченность, незавершенность. Что сближает философию с наукой и отдаляет от поэзии. В своей книге в книге «Мысль и язык» А.А. Потебня пишет: «Есть много созданных поэзией образов, в которых нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; но нет и не может быть совершенных научных произведений. Такая противоположность поэзии и науки уяснится, если сведем ее на отношение простейших стихий той и другой – представления и понятия. ... Наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий; но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпано. Поэзия предупреждает это недостижимое аналитическое знание гармонии мира; указывая на эту гармонию конкретными своими образами, не требующими бесконечного множества восприятий, и заменяя единство понятия единством представления, она некоторым образом вознаграждает за несовершенство научной мысли и удовлетворяет врожденной человеку потребности видеть везде цельное и совершенное. Назначение поэзии – не только готовить науку,

³⁰ Платон. Законы. // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 476.

³¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 117.

³² Известны в греческой культуре и речи, представленные поэтически (уже в «Илиаде»), но они никак не могли стать образцом для значительной части населения.

³³ Richard Kannicht The ancient quarrel between philosophy and poetry. Christchurch, 1988. P.2.

но и временно устраивать и завершать невысоко от земли выведенное ею // здание. В этом заключается давно замеченное сходство поэзии и философии»³⁴.

Получается, что если в эпосе любой элемент осмысливается как часть целого, то философия начинает это целое разрывать – произведения философов возникают как диалог, и в этом отношении никогда не являются законченными. Таким образом, мы имеем дело с двумя разными полотнами – завершенным ковром эпоса и бесконечно выплетаемой дорожкой философии. Философы, в отличие от поэтов, воспринимают друг у друга в первую очередь содержание и поэтому стиль как таковой их не слишком беспокоит. Одни архе они противопоставляют другим, абсолютный покой – абсолютному движению, атомы и пустоту – неподвижному сфайросу, и т.д. И поэтому среди философских произведений, являющих собой повторение известных литературных форм, постепенно кристаллизуется особая литературная форма диалога. Даже в случае Парменида есть указания на то, что он излагал свои идеи не только в эпической форме, а в форме вопросов и ответов³⁵. Диалог глубоко и всесторонне разрабатывают софисты, которые представляли свои взгляды в форме речей, а поэм они, насколько известно, не писали.

Диоген Лаэртский сообщает, что «первым сочинять диалоги стал, говорят, Зенон Элейский; а по Аристотелю – Алексамен Стагирийский или Теосский. ... Мне же кажется, что Платон, который довел этот род до совершенства, по праву может почитаться здесь первым как в красоте, так и в изобретательности». И далее Диоген определяет диалог как «речь, состоящую из вопросов и ответов, о предмете философском или государственном, соблюдающая верность выведенных характеров и отделку речи»³⁶. Диалог – это стихия софистов, и не случайно Зенона Элейского так часто с ними отождествляют. Как и Сократа, ведшего свои беседы в диалогической форме. В то же время собственно сократический вид диалога, когда один задает вопросы, а другой отвечает только «да» или «нет», возможно изобрел Протагор³⁷.

С диалогом философия нашла себя и подготовила следующий уровень рефлексии, подаривший миру классические доктрины. С прозаическим трактатом (в духе, например, Аристотеля) она приблизилась к науке. Но это уже не поэзия.

Статья опубликована в сборнике трудов 2007г.:

«Ныне за новую речь примусь и путь укажу я ... (Философия как литература: уровни рефлексии)» // **Системы и модели: границы интерпретаций**: Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Томск, 6-10 ноября 2007 г.) Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. (Серия: Системы и модели: границы интерпретаций.)

³⁴ Потехня А.А. Мысль и язык // Потехня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 180-181.

³⁵ На это указывает Платон в «Софисте» (217с).

³⁶ Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е, испр. М., 1986. С. 149-150.

³⁷ См. Диоген Лаэртский... С. 349. Р. Каннихт считает, что именно и только с Сократом поэзия потеряла свое преимущество перед прозой. См. Kannicht The ancient quarrel. P. 3.